

Природа синтаксической связи между определяющим и определяемым словами в языке КОМИ.

Монизм, как общий принцип мировоззрения и как метод научного исследования, начинает завоевывать общее признание. В области языкознания яфетидология своими основными принципами о всеобщности и единстве глоттогонического процесса, а также о необходимости увязки языкознания с этапами культурного исторического развития человечества, отвечает растущей потребности рассматривать и языковые явления в общей связи явлений социального порядка.

С точки зрения единства языкового процесса три основные морфологические системы языков — корневая, агглютинативная и флективная — представляются тремя этапами, стадиями развития этого процесса. Различный характер их системы должен обуславливаться соответствующими изменениями основных факторов языкотворчества в связи с коренными изменениями социально-экономического быта.

Само собой разумеется, что указанные положения должны быть обоснованы на самом языковедческом материале.

Отсюда вопросы, касающиеся факторов перехода языков из одной морфологической системы в другую, или освещающие литационный процесс превращения количественного явления, эволюционного развития языка в пределах данного типа, в явление качественно другого типа, должны считаться ударными.

Равным образом, взаимоотношение факторов синтаксического и морфологического характера, понимаемое не смысле их смешения, а в смысле наиболее чистого выявления обоих начал, т. е. синтаксического и морфологического, для последующего установления связи между ними, должно также привлекать пристальное внимание исследователей.

С точки зрения указанных проблем — взаимоотношения морфологических типов языков и взаимоотношения факторов морфо-

логического и синтаксического порядков — особый интерес приобретает вопрос о природе синтаксической связи между определяемым и определяющим его словами. Отнюдь не претендуя не только на окончательное решение этого вопроса, но даже не имея в виду сообщить достаточный фактический материал на данную тему, все же хочу поделиться со своим направлением исследовательской работы, на которое поневоле наталкиваюсь при изучении языка Коми.

Известно, что в языках не только агглютинативного типа, как напр., в угрофинских, тюрко-татарских и пр., но даже и в языках флективного типа, как напр., в немецком, два или несколько слов, стоящих рядом, при некоторых условиях, бывают между собой связаны, но не при помощи какой-нибудь морфологической формы, а просто фактом своего соседства. Чуваш. **шыв курки-вода ковш**. т. е. ковш для воды *). Немецк. *feld veg* „поле дорога“, т. е. полевая или проселочная дорога, *butter brot* „масло хлеб“, т. е. хлеб с маслом. Понятие топор на коми языке выражается звуковым комплексом: **чер**, и понятие дерево словом **пу**. Если второй комплекс мы поставим впереди первого, то получим **пу чер**, т. е., дерево топор. Это сочетание, в силу какой-то особой грамматически невыраженной связи на флективный язык должно быть переведено „деревянный топор“. Предыдущее слово является определением к последующему, в данном случае, оно достаточно неопределенному понятию „топор“ придало большую определенность, именно „деревянный топор“.

Если части этого выражения переставим местами, будет **чер-пу**—„топор дерево“: Здесь два представления опять связались вместе и на флективный язык, это выражение нужно перевести так: дерево топора или топорище. Между этими словами опять существует для носителя языкового мышления данного языкового типа связь, которая почти недоступна для носителя другого типа языкового мышления, т. е. она морфологически не выражена.

Последнему выражению может быть прибавлено спереди слово **тоша** „с бородой“, которое опять сразу же окажется в связи с последующим словом **чер** „топор“ и весь ряд еще более сузится в своем логическом объеме: „топорище того топора, которое с бородкой“ Прибавляя к этому сочетанию спереди те или другие но-

*) См. Ашмарин. Опыт исследования Чувашского синтаксиса, ч.1, стр. 16.

ые именные слова, не имеющие личного притяжательного суффикса, мы получаем целый ряд слов, взаимно друг с другом связанных с синтаксической стороны как определения с определяемым, а с внешней стороны—простой последовательностью (впереди—определяющее, позади — определяемое), при чем объем всего выражения суживается по мере прибавления к началу новых определений. Эту последовательность в сочетании слов для удобства условимся называть последовательностью первого типа или восходящей последовательностью. Части этого ряда совместно составляют единый грамматический оборот, композитум, могущий оканчиваться каким-нибудь суффиксом словоизменения и т. п. Но притяжательный личный суффикс словоизменения, введенный в середину цепи, нарушает имеющуюся последовательность, разрывая ее на две части, так: если во втором типе двучленного выражения—**чер пу** топориче—к первому его члену присоединим притяжательный суффикс, например 2-го лица **ыд**, то выражение превратится в **черыд пу** и его нужно перевести „топор твой из дерева“. Последнее выражение будет заключать предикативность, определенное утверждение, оно превратится в предложение.

Но нас пока интересует не предложение, а сама детерминативная связь, существующая между словами, составляющими един. грамм. член-композитум.

Чем же обуславливается материальная связь между членами композитума.

Для этого разберем другую цепь, состоящую из следующих слов: **нѣн кѡм волюс тош** „липа обувь подстилка борода“. По законам сочетания членов в детерминативной цепи каждый предыдущий член определяет последующий и каждый последующий определяется предыдущим. Возьмем 1-ю пару: **нѣн кѡм**. Для человека, незнакомого с соответствующими бытовыми условиями, это будет просто „липа-обувь“, а для знающего соответствующий быт, „липа“ будет **материалом** для обуви—поэтому 1-ю пару слов нужно перевести: обувь из липы. Во 2-й паре—„обувь подстилка“—связь уже другая. Здесь нужно подразумевать момент нахождения употребления подстилки в обуви. 3-я пара „подстилка борода“ не имеет связи ни грамматической, ни бытовой—здесь только даются рядом два понятия, понимание связи между которыми предоставляется собеседнику, который и связывает их в силу тех или других своих ассоциаций, в данном случае по внешнему сходству.

Из этого примера видно, что сочетание членов композитума коррелируется бытовыми связями. Если бытовой связи нет, то и сочетание, хотя бы оно по внешности и было правильное, не воспринимается, напр. выражение кок пу — „нога дерево“ ходули (дерево ноги) вполне понятно; выражение же гін пу „глаза дерево“ не понятно, оно никак не воспринимается, оно не находит отклика в психике собеседника, так как дерево и глаз в быту не вступают между собой в какое-нибудь постоянное взаимоотношение.

Детерминативная связь, существующая между членами композитума, имеет большое значение, так как она лежит в основе словообразовательного процесса в языке коми.

Предмет или явление, замеченное в какой-либо новой бытовой связи, немедленно запечатлевается соотв. словесной комбинацией, указывающей на принадлежность предмета к данному комплексу. В силу устойчивости бытовых форм и словосочетание становится устойчивым, образуя собой единый фонетический комплекс, подпадающий в месте соединения под действие обычных фонетических процессов и влияний, свойственных данному языку-ассимиляции, выпаданию звуков и т. п., например, **вылаун** (понедельник) из **вылаун**, **вежон** из **вежалун** (неделя) и т. д..

Весь остальной процесс изменений в сторону выработки форм слов будет заключаться в более быстром изменении значения конечного звена сочетания.

В этом отношении в языке коми типологически можно отметить ряд групп с постепенным приближением роли конечного элемента к роли флексии.

1. 2-й элемент приобретает значение префикса, но в то же время сохраняет еще свое значение как отдельное слово—это послелоги, напр., **керка дорё**—к дому (**дор**-край), **керка вылё**—на дом (**выла**—вверх) и т. д.

2. 2-й элемент приобретает абстрактное значение **пу**—дерево **поп пу** „поп дерево“—кандидат на попа, **гётыр пу** „жена дерево“—будущая жена, невеста.

3. 2-й элемент приобретает значение суффикса. Примеры: **лун**—день, **јёј**—глупый, **јёј лун**—глупость, **оуо**—умный, **оуо лун**—сообразительность, находчивость, **тор**—кусочек. **јёв**—молоко, **јёв тор**, молочко, имеет значение суффикса уменьшительности, **лун**—абстрагирующего суффикса существительного.

4. Затем идут другие суффиксы словообразования, которые труднее поддаются восстановлению в их первоначальном значении.

5. Суффиксы словоизменения.

6. Особо нужно отметить притяжательные личные суффиксы.

Это расположение морфем на морфологические типы в порядке приближения их от слова с полным значением к флексии не нужно понимать как порядок генетический.

Генетический порядок мог быть совсем обратным. Так напр., система изменений по притяжат. личным суффиксам, дающим 6 разновидностей (3 в ед. и 3 в множ. числе—множественное коллективности лица), свойственны и существительным и послелогам и инфинитиву и наречию. Спражение из'явит наклонения в языке Коми во всей своей системе также не имеет морфологически следов других суффиксов, кроме этих личных притяжательных (время указывается только изменением согласовки этих суффиксов). Таким образом, возникновение системы изменений по притяжательным суффиксам нужно относить ко времени до возникновения деления слов на **морфологические** части речи, и, в частности, до возникновения системы склонения.

Это положение согласуется и с изысканиями акад. Н. Я. Марра по яфетическим языкам, который говорит, что это местоименное склонение (с притяжательными личными суффиксами. А.С.) „предшествует простому агглютинативному склонению, и во всяком случае оно-то и предшествует системе флективных языков“ (Яфетическая теория, 57, Баку 1928 г).

Не имея возможности в данной заметке остановиться на этом процессе выветривания материального содержания у вторых элементов составных слов и присвоения ими служебных функций, отметим, что процесс словообразования, напр., в языке коми, за исключением*более раннего типа сложения слов по образцу скрещения и соединения слов с одинаковой формой на равных правах (напр.: **ај-мам** родители, **одан вылан** живешь—можешь), укладывается в рамки отношений именного определения и определяемого (когда предшествующее является определением для последующего). ¹⁾

Из сказанного можно сделать вывод такого рода, что некогда существовал и до сих пор еще не изжит в языке Коми процесс

¹⁾ В детерминативную связь в языке коми вступают имена или совсем без формы, или оканчивающиеся на определенные суффиксы словообразования, о которых надеюсь сообщить в другом месте.

соединения слов такого типа, который с одной стороны привел к возникновению в конечном счете суффиксов словоизменения и который, с другой стороны, яснее сохранился в характере соединения слов по типу определения и определяемого. Несомненно первоначальный характер этой связи нельзя отождествлять с современным характером ее. Он, по всей вероятности, был несколько другой.

Для лучшего разумения первоначальных возможных форм детерминативных связей, вернемся снова к примеру, аналогичному приведенным.

Слеза по коми будет **оін-ва** — „глаз вода“, т. е. „вода глаза“. С грамматической и бытовой точки зрения это сочетание нам уже понятно.

Можно подойти к данному примеру и с логической точки зрения. Из данного сочетания видно, что слезы представляются коми в виде воды, которая может быть самая разнообразная — речная, морская, фруктовая, из глаз и т. д. Но слезы, глазная вода, будут определенной частной разновидностью понятия воды и потому объем понятия **слезы** как частного понятия воды, будет меньше объема понятия воды (см. логическое опред. понятия с точки зрения его объема и содержания). С точки зрения логического подхода понятие вода **ва** будет родовым, а „слеза“ „вода глаза“ будет понятием видовым. Но можно к анализу этого сочетания подойти и с другой точки зрения, с точки зрения происхождения и генетического отношения самих предметов. Если мы оторвемся от логики и обратимся к самим предметам, то увидим, что глаз, как сложное целое, включает в себе и все то, что входит в этот предмет в качестве составной части или что может произойти из этого глаза как производное. Так, глаз, как внешний видимый комплекс, включает в себе яблоко, зрачок, ресницы и т. д., а с другой стороны может породить и воду. Таким образом, все то, что глаз включает в себе как реальный материальный предмет, будет понятием частным видовым по отношению к родовому (в буквальном смысле) „глаз“. Таким образом, конкретно, вода та, именно, которая происходит из глаза, будет явлением частным. Но эта же глазная вода, кроме своего индивидуального конкретного частного названия, **ва** „вода“, не требующая никакого определяющего названия при наличии перед собой в момент возникновения слова самого родового предмета глаза, из которого в дан-

ную минуту истекает слеза, в других условиях обозначения требует эквивалентного, но более точного, наименования, сочетания своего видового имени совместно со своим „отцовским“, родовым (в прямом смысле) именем.

Если будем продолжать, удлинять наметившиеся ряды понятий, то при применении логического принципа, мы далее сузим основное понятие до степени подвидового когда спереди присоединим еще одно слово **мам** „мать“—тогда выражение будет—„материнские слезы“. Наоборот, представив себе материнские слезы или слезы матери как родовой предмет, мы можем в его составе указать новый составной элемент—„капля“.

Понятие **туо** капля, слезинка будет аналогично предыдущему звену заключаться внутри **ва** „вода“. Здесь намечается другая цепь понятий, идущая в противовес первому направлению в направлении нисходящем—последовательность 2-го типа. Таким образом, мы имеем последовательность сочет. слов 2-х типов. Если будем опираться на логический принцип, то ряд будет нарастать от определяемого к определителям и каждый определитель может быть определен новым определителем; с другой стороны, если какой-нибудь член композитума возьмем за основной и будем его рассматривать, как **родовой предмет**, в генетическом смысле то линия развития пойдет в противоположном направлении и будет нарастать по условиям реального существования предметов в последовательном порядке во времени, т. е. в порядке зарождения видового предмета из родового (**оін ва туо жын** „глаз вода капля половина“) и в том же порядке по произношению.

Из этого анализа намечались две возможные линии развития интересующей нас детерминативной связи—в логическом смысле и в родовом смысле, в восходящем и нисходящем порядке.

Если мы теперь зададим себе вопрос—который из этих двух принципов связи исторически более первичен, то можем с достаточно большим основанием указать на родовой генетический тип связи, как на более первичный, более реальный.

За этот тип этнография, фольклор, первобытное мировоззрение. Основным принципом примитивного мировоззрения является именно стремление все явления внешнего мира осмыслить при помощи идеи происхождения. Знать вещей происхождения значит по Каливале, овладеть вещью, значит обезвредить, покорить окружающие человека внешние силы(ср. заговаривание пореза) и т. д.